

УДК 343.1
DOI 10.25205/2542-0410-2021-17-2-14-21

Суд и процесс по Рипуарской правде

А. В. Макутчев

*Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого
Тула, Россия*

Аннотация

Статья посвящена анализу положений одного из важнейших, но мало изученных в отечественной историографии источников раннесредневекового европейского права – Рипуарской правды, а именно анализу аспектов судопроизводства. Целью исследования стало выявление общих черт судопроизводства, которые были восприняты рипуарскими франками из законодательства салических франков, в частности Салической правды, а также особенностей, отражающих аспекты социально-экономического развития Рипуарии. В ходе проведенного исследования, во-первых, были выделены положения Рипуарской правды, которые соотносятся с имеющимися представлениями о судопроизводстве франков – о порядке вызова в суд, о видах доказательств и т. д.; во-вторых, в соответствии с целью исследования были обозначены отклонения от принятой салическими франками практики судопроизводства, свойственные рипуарским франкам и подлежащие изучению в совокупности с ними (в частности, некоторое упрощение судебных процедур, внимание к отдельным видам доказательств и т. п.).

Ключевые слова

Рипуарская правда, Салическая правда, варварские правды, франки, правосудие, судопроизводство

Для цитирования

Макутчев А. В. Суд и процесс по Рипуарской правде // Юридическая наука и практика. 2021. Т. 17, № 2. С. 14–21. DOI 10.25205/2542-0410-2021-17-2-14-21

Judgment and Trial in Lex Ripuaria

A. V. Makutchev

*Lev Tolstoy Tula State Pedagogical University
Tula, Russian Federation*

Abstract

The article is devoted to the analysis of the provisions of one of the most important sources of early medieval European law, but little studied in Russian historiography – Riparian Law, namely, aspects of judicial proceedings. The aim of the study was to identify both the general features of the judicial process that were perceived by the Riparian Franks from the legislation of the Salic Franks, in particular, the Salic Law, and the features that reflect aspects of the socio-economic development of Ripuaria. In the course of the study, firstly, the provisions of the Riparian Law were identified, which correspond to the existing ideas about the legal proceedings of the Franks – about the procedure for summoning to court, about the types of evidence, etc.; Secondly, in accordance with the purpose of the study, deviations from the practice of legal proceedings adopted by the Salic Franks were identified, which are characteristic of the Riparian Franks and are subject to study in conjunction with them (in particular, a certain simplification of judicial procedures, attention to certain types of evidence, etc.).

Keywords

Lex Ripuaria, Lex Salica, Early Germanic law, franks, judgment, trial

For citation

Makutchev A. V. Judgment and Trial in Lex Ripuaria. *Juridical Science and Practice*, 2021, vol. 17, no. 2, p. 14–21. (in Russ.) DOI 10.25205/2542-0410-2021-17-2-14-21

© А. В. Макутчев, 2021

В VI–VIII вв. германский народ рипуарских франков, расселившийся на территориях вдоль среднего течения Рейна, сформировал сборник правовых норм, вошедших в историю как Рипуарская правда (*Lex Ripuaria*). Этот документ стал одним из важнейших источников для исследования процессов государственного и общественного устройства народов Западной Европы в период Раннего Средневековья. В отечественной историографии он традиционно находится в тени Салической правды (*Lex Salica*) – источника более древнего, более полного, упорядоченного и репрезентативного. Салическая правда, как принято считать, легла в основу Рипуарской – существенная часть норм Салической правды, ввиду тесных этнических связей между салическими и рипуарскими франками, нашла аналогичное отражение в тексте Рипуарской правды. Однако во многих аспектах Рипуарская правда не повторяет Салическую, а дополняет ее. Причиной тому тот факт, что Рипуарская правда была составлена несколько позже и вплоть до IX в. редактировалась, пополнялась нормами, отражавшими изменения в общественных отношениях и совершенствование юридической техники. В частности, представляет интерес закрепление в Рипуарской правде аспектов отправления правосудия и судопроизводства, а также то, насколько они соотносились с известными положениями Салической правды.

Сразу отметим, что судопроизводству и процессу в Рипуарской правде уделено не так много внимания, как в Салической правде, тем не менее основные аспекты – статус судей, общий порядок судопроизводства, виды доказательств – в ней отражены.

Суд как орган (судебное собрание, лат. *mallus*) упоминается в Рипуарской правде всего несколько раз, в частности в титулах XXXIV и LII, регулирующих порядок вызова в суд и свидетельские показания. При этом различий, как в Салической правде, между регулярным (лат. *mallus publicus*) и чрезвычайным судебным собранием (лат. *mallus indictus*) в тексте не встречается [1. С. 38]. Чаше в Рипуарской правде встречается наименование франкских судей – рахинбургов (лат. *rachineburgius* – «податель совета»). Рахинбурги являлись не профессиональными судьями, а представителями знати, обладавшими знаниями в сфере правовых обычаев и избиравшимися для решения конкретного дела. Такой подход к формированию судебных органов соответствовал примитивной юридической технике Раннего Средневековья, когда отправление правосудия являлось правом всех свободных общинников. И. Д. Назаров также отмечает морально-нравственный акцент средневекового правосудия: если изначально рахинбурги выбирались из числа «лучших» людей – представителей общины, знавших старинные обычаи и наделенных высокими моральными качествами, то ко времени составления варварских правд судебные полномочия переходили в руки самых состоятельных членов общества, не самых лучших, а самых богатых [2. С. 126]. Следы этих изменений можно обнаружить в источниках: так, если Салическая правда предусмотрела наказание для рахинбургов лишь за невыполнение ими своих обязанностей и вынесение незаконного решения, не сомневаясь в их честности и объективности, то Рипуарская правда прямо закрепила запрет судьям (а равно всем вельможам государства, графам, канцлерам и т. д.) принимать подарки, которые могли бы повлиять на их решения (титул XC) под угрозой казни [3. Р. 389].

Ограничению произвола судей служил также титул XCI, который запретила судьям требовать «фредус» (наказание за нарушение общественного порядка) до уплаты преступником всей композиции (штрафа). Фредус выплачивался королю и составлял, согласно титулу L Салической правды, треть всей композиции [4. С. 40]. Истец, получив композицию, был обязан сам, в присутствии свидетелей, внести фредус из полученной от виновника суммы. Эта мера, с одной стороны, защищала интересы истца в случае, если после уплаты фредуса у виновника могло не остаться средств на уплату оставшейся части композиции, с другой – ограничивала возможность присвоения судьей фредуса (титул XCI прямо формулирует: «Тот, кто из жадности нарушит этот запрет, уплатит композицию по закону») [3. Р. 389]. В этом запрете можно также увидеть стремление поддерживать авторитет судебной власти и представления о честности и прозрачности правосудия [5. S. 142].

Формулировка функций рахинбургов в Рипуарской и Салической правдах практически аналогична. Титул LVII Салической правды установил: «Если какие-либо из рахинбургов... откажутся сказать закон, следует, чтобы истец заявил им: “здесь я призываю вас постановить решение согласно Салическому закону” (*ego vos tancono ut legem dicatis secundum legem Salegam*)» [4. С. 46]. Рипуарская правда дает схожую формулировку: *Ego vos tangano, ut mihi legem dicatis* (титул LVII) [3. Р. 300], но без требования судить по рипуарскому закону. Причина этого различия становится ясна в титуле XXXIII, который установил, что «франк, бургундец, алеманн или человек какой-либо нации, поселившийся в стране рипуаров, должен быть судим и наказан по законам своей родины» [3. Р. 270]. Подобная экстерриториальность не отмечена Салической правдой и, вероятно, объяснялась многонациональностью Рипуарии.

За отказ от выполнения судебных функций («сказать закон» – *legem dicere*) рахинбурги подлежали наказанию, причем Рипуарская правда упростила механизм его применения, сделав более формальным. По Салической правде, судьи, отказавшись постановить решение, должны были до захода солнца уплатить по 3 солида, в случае неисполнения этого требования – уплатить по 15 солидов, принятие же неправомерного (не по закону) решения сразу каралось 15 солидами (титул LVII) [4. С. 46]. В Рипуарской же правде штраф в 15 солидов полагался всем судьям как за отказ постановить решение, так и за принятие неправомерного решения [3. Р. 300]. Штраф в 15 солидов полагался также и участникам процесса, которые отказывались выполнять законные решения рахинбургов (титул LVII пар. 2) [3. Р. 301].

Рипуарская правда не упоминает тунгина (лат. *thunginus* – «принуждающий»), неоднократно фигурирующего в Салической правде выборного главу округа и председателя коллегии рахинбургов. По данным Й. Весселса, значение тунгина ко времени составления Рипуарской правды уже значительно снизилось, его функции стал выполнять граф («графин», лат. *grafio*) как представитель короля, который изначально отвечал за управление землями, но со временем приобрел судебные функции [6. Р. 244]. В тексте Рипуарской правды граф не назван главным судьей, однако его статус весьма высок, что свидетельствует об усилении королевской власти в регионе. Граф исполнял решения судей, в частности проводил конфискацию имущества (титулы XXXIV, LIII и LXXXVI), он также именуется в Рипуарской правде налоговым судьей (*judex fiscalem*), собиравшим фредус. Отметим, что в Рипуарской правде, в отличие от Салической, помимо понятия «графин» используется также понятие «комит» (*comit*), однако по смыслу текста их следует считать равнозначными: так, титул LV, названный «Об убийстве графина» (*De eo qui grafionem interfecerit*), гласит: «Всякий, кто убьет налогового судью, которому обычно дают имя комита, будет приговорен к уплате 600 солидов» (*Si quis judicem fiscalem, quem comitem vocant, interfecerit, 600 solidis mulctetur*) [3. Р. 197].

Характерно, что Рипуарская правда, как и Салическая, не отводит определяющего места в отправлении правосудия королю. Несмотря на то что документ дополнялся уже в период усиления королевской власти, король не являлся верховным судьей, статус судебных собраний был выше. Король в Рипуарской правде фигурирует лишь как непреложный авторитет, подкрепляющий решения суда рахинбургов. Как и в Салической правде (титул LVI) [4. С. 45], не явившееся в суд лицо, протестуя против конфискации своего имущества, должно было предстать перед королем для защиты своих интересов (титул XXXIV) [3. Р. 270]; слушание перед королем являлось последним способом доказать законность приобретения имущества (титул XXXV) [3. Р. 271]. Король упоминается также в титуле XL, где предусмотрен штраф за клеветнические обвинения перед королем в 60 солидов [3. Р. 292].

Судебный процесс у франков носил состязательный характер и инициировался потерпевшим. На истце лежала обязанность предъявления и поддержания обвинения, сбор и представление доказательств. Рипуарская правда возлагала на истца розыск похищенной у него вещи и передачу ее на хранение третьему лицу (титул XXXV) [3. Р. 277]; розыск похищенного животного с правом законного обыска в жилище подозреваемого (если хозяин дома препятствовал обыску, это приравнивалось к признанию им своей вины – титул XLIX) [3.

Р. 302]; задержание вора с правом заковать его в оковы до суда (с обязанностью подтвердить вину закованного клятвой на святых мощах – титул XLIII) [3. Р. 294]; требование к графу произвести конфискацию имущества ответчика в счет композиции (титул LIII) [3. Р. 307].

Ответчиком мог быть любой свободный человек (за проступки раба отвечал его хозяин). На основе пар. 5 титула XXIV Салической правды принято делать вывод, что франк достигал возраста юридической ответственности в 12 лет – до этого возраста при совершении преступления с него не взыскивался фредус [4. С. 17]. При этом неясна судьба остальной части композиции, предназначавшейся на компенсацию вреда потерпевшему. Рипуарская же правда содержит более четкую и понятную норму: «Если рипуарий... оставил сына, то этот сын не сможет предъявить никаких судебных исков до достижения им 15 лет. Кроме того, он не может быть привлечен к ответственности по суду» (титул LXXXIII) [3. Р. 381]. По достижении 15 лет лицо считалось полностью дееспособным и могло постоять за себя или выбрать защитника. Тот же титул распространяет действие данной нормы и на свободных девушек.

Вызов ответчика в суд был строго формализован. Признавая суд единственным законным институтом разрешения конфликтов, франки закрепили обязательность явки сторон и свидетелей в судебное заседание. Титул XXXIV Рипуарской правды, аналогично титулу I Салической, установил ответственность в виде штрафа в 15 солидов за неявку ответчика или истца в суд без законного основания [3. Р. 275]. Однако порядок действий в случае повторной неявки в этих источниках разнился. Салическая правда предусмотрела громоздкий механизм, по которому три последующих вызова ответчика в суд должны были подтверждаться разным количеством свидетелей, на четвертый раз неявка оборачивалась вызовом к королю и объявлением вне закона в случае игнорирования этого последнего вызова (титул LVI) [4. С. 45]. Рипуарская же правда, с одной стороны, предусмотрела не три, а шесть неявок ответчика в суд, за каждую из которых он наказывался штрафом в 15 солидов, с другой – устранила требования к свидетелям, достаточно было клятвы истца и трех рахинбургов на святых мощах в том, что вызов был сделан по правилам (титул XXXIV) [3. Р. 275]. Налицо еще один пример некоторого упрощения Рипуарской правдой норм, предусмотренных салическим законодательством. В частности, король в процедуре вызова в суд не участвовал: в случае седьмой неявки граф и рахинбурги отправлялись в дом к ответчику и изымали имущество, равноценное похищенному. Истец в таком случае также получал 45 солидов, каждый из семи судей по 15 солидов.

Особым образом регулировалось участие в судебном разбирательстве неполноправных – им полагались представители. Свободных неполноправных (вольнотпущенников, литов) и рабов к суду были обязаны представлять их патроны или хозяева (титулы XXXII–XXXIII) [3. Р. 271], в противном случае они сами несли ответственность в качестве ответчиков. Хозяин раба также был обязан разыскивать его, если тот бежал от него, и представить на суд в течение 14 дней, иначе лично подвергался осуждению за деяние раба (титул XXXII) [3. Р. 271].

Предварительное расследование, т. е. стадия сбора доказательств, не предусматривалось – франкский судья опирался на доказательства, которые представляли стороны. В Рипуарской и Салической правдах встречается формулировка «будет уличен» (*et ei fuerit adprobatum*). По мнению В. Н. Дряхлова, это выражение было призвано связать обвинение «именно с наличием такой определенной и справедливой улики по поводу виновности ответчика, которая не вызывала на судебной сходке никаких сомнений ни у оказавшегося там короля, ни у самих судей-рахинбургов, ни у любопытствующей толпы» [7. С. 118]. Такая улика именовалась «верной уликой» – *probatio certa*. Что считать «верной уликой», не указано ни в Рипуарской, ни в Салической правдах.

На основе анализа текста обоих источников Р. Зом поставил на первое место среди всех доказательств свидетельские показания [8. С. 126–127], З. М. Черниловский выделил показания свидетелей, соприсяжничество и ордалий [9. С. 130–131]. Какие из этих видов доказательств можно отнести к «верным»? По мнению В. Н. Дряхлова, безусловными и «верными» считали вещественные доказательства, свидетельские показания, а также собственное при-

знание правонарушителя, сделанное им, как правило, при отсутствии умысла в действиях либо в расчете на смягчение наказания (так, титул LVI Рипуарской правды установил наказание за ограбление трупа в 60 солидов в случае признания обвиняемого и в 100 солидов при отказе от признания вины) [3. Р. 311]. При отсутствии вещественных и свидетельских показаний (или их тенденциозности – следует помнить, что в условиях общинного строя родич не дал бы правдивых показания против родича, как и представитель враждебного рода) приходилось прибегать к соприсяжникам или ордалию [7. С. 121].

Свидетели в Рипуарской правде – это как свидетели преступления, так и «судебные свидетели», которые присутствовали при совершении определенных актов – освобождении раба (титул LX) [3. Р. 317], купле-продаже (титул LXI) [3. Р. 331], передаче владения недвижимостью (титул LXII) [3. Р. 337] и т. п. – и могли при необходимости подтвердить их законность. Явка таких свидетелей была обязательной, при отказе от явки или дачи показаний им полагался штраф в 15 солидов, как и за лжесвидетельствование (титул LII) [3. Р. 305].

Прямых упоминаний о свидетелях при разборе уголовных преступлений в Рипуарской правде гораздо меньше, но нередко присутствие свидетелей подразумевается сутью статьи. Например, титул LXXIX установил: «Если кто поймал преступника и, сражаясь с ним, причинил ему смерть, он должен в присутствии свидетелей оставить труп на поляне у перекрестка» [3. Р. 377].

К «верной улике», несомненно, можно отнести поимку преступника на месте преступления. Так, титул XLIII Рипуарской правды установил: «Если вор, застигнутый с поличным, был прикован цепью к самому месту преступления несколькими собравшимися людьми, чтобы установить доказательства преступления, он не может быть допущен к предъявлению своего оправдания» [3. Р. 295].

К *probatio certa* относились и королевские грамоты (хартии), чье значение росло по мере развития письменности. Так, титул LXI закреплял права обладателя хартии по договору купли-продажи: «Если кто будет призван в суд и сможет представить хартию, его нельзя будет заподозрить в недобросовестном владении. При допросе он может повторять, не вдаваясь в обсуждение по существу: “Я владею не обманно, а по хартии”» [3. Р. 331]. Рипуарская правда также установила приоритет ранее изданной хартии над более поздней в случае, если они регулировали одни и те же права (титул LXII) [3. Р. 337]. Тем не менее в Рипуарии письменное слово, на момент составления Рипуарской правды, еще не могло заменить показания свидетелей или соприсяжников. Так, при оспаривании купли-продажи свидетели должны были подтвердить действительность хартии, а писец мог вызвать в свою поддержку такое же количество свидетелей [10. Р. 221].

Соприсяжничество примерно в три раза чаще упоминается в Рипуарской правде, чем в Салической. При этом оно не служило доказательством вины в полной мере, так как соприсяжники, как отмечал М. А. Чельцов-Бебутов, это не свидетели, а родичи, которые давали клятву для подтверждения того, что обвиняемый и его присяга достойны доверия [11. С. 171]. В этом контексте соприсяжник – это «свидетель доброй славы» обвиняемого, участник некоего таинства, в процессе исполнения которого и рождается истина [12. С. 82].

Рипуарская правда весьма подробно регламентировала соприсяжничество. В частности, Салическая правда дает лишь три варианта численности соприсяжников – 12 при признании неплатежеспособности (титул LVIII) [4. С. 47], 20 при разборе дела о поджоге (титул XVI) [4. С. 13] и 25 по делу об убийстве в составе группы лиц (титул XLII) [4. С. 34]. Рипуарская же правда дает возможность очиститься клятвой соприсяжников за большинство преступлений, их необходимое число варьируется (в зависимости от тяжести деяния): 6 при переломе кости или кровопролитии (титулы II и III) [3. Р. 235–237], 12 при убийстве (титул VII) [3. Р. 243], 72 при убийстве антрустиона (доверенного лица короля, титул XI) [3. Р. 247], 7 или 12 при оспаривании договора купли-продажи (титул LXI) [3. Р. 331]. Также Рипуарская правда установила срок приведения соприсяжников – 14 дней, если их меньше 12, и число дней, равное числу соприсяжников, если их от 12 до 72 (титул LXVIII) [3. Р. 349].

Соприсяжничество как вид доказательств было тесно связано с ордалием («божьем судом»). К. Ф. Дрю указывала, что соприсяжничество, вероятнее всего, применялось при разборе мелких правонарушений, а ордалий – при крупных [13. Р. 34–35]. По версии М. А. Чельцова-Бebutова, на клятвы соприсяжников мог полагаться человек с хорошей репутацией, а опороченному людской молвой приходилось надеяться только на ордалий [11. С. 170].

Ордалий являлся крайним способом определения вины подозреваемого, когда против него не было ни явных улик, ни свидетелей. В ходе специальной процедуры происходило обращение к потустороннему миру с целью получить ответ-подсказку о виновности или невиновности испытуемого. Салическая правда предусматривала испытание кипятком (титул XVI) [4. С. 13]. Поскольку исход такого испытания был заведомо ясен (испытуемый признавался виновным, если его рука покрывалась ожогами при вытаскивании из котла с кипятком камня или кольца), ордалий не являлся неизбежностью – от него можно было откупиться.

Рипуарская правда упоминает ордалий в форме испытания огнем, но лишь для рабов и иноземцев. За явку раба на ордалий отвечал его господин – в течение 14 дней он был обязан представить раба на испытание и, если раб его не выдерживал, выплачивал за него штраф (титул XXXI) [3. Р. 269]. Иноземец же подлежал ордалию, если никто из населения Рипуарии не подтверждал его невиновность (титул XXXIII) [3. Р. 271].

Особой формой ордалия был судебный поединок, который проводился, когда ответчик обвинял истца во лжи. Поединок предотвращал стремление к дальнейшей мести, его исход был непререкаем, санкционировался высшими силами – правое должно было победить, если друг другу противопоставляются спорящие не на жизнь, а на смерть [12. С. 83].

Салическая правда о судебном поединке не упоминает, хотя некоторые специалисты считают, что судебный поединок входил в число «других законных способов» урегулирования спора из титула LVI [11. С. 171]. Рипуарская же правда явно указывает на возможность судебного поединка в двух случаях: во-первых, ответчик, не явившийся по вызовам в суд и возражающий против конфискации своего имущества графом в счет уплаты долга, мог вызвать истца на поединок, повесив свой меч ему на дверь и сообщив об этом судье (титул XXXIV) [3. Р. 275]; во-вторых, тем же правом обладал истец, недовольный тем, что ответчик смог оправдаться соприсяжниками (титул LXIX) [3. Р. 353]. Характерно, что судебные поединки надлежало проводить перед королем, чтобы легальное насилие не превратилось в самосуд. Присутствие в Рипуарской правде судебного поединка в явном виде могло быть традицией рипуарских франков, но могло быть и заимствованием из бургундского права [14. S. 17].

Таким образом, отражение порядка судопроизводства франков в Рипуарской правде характеризуется двумя основными тенденциями. С одной стороны, сравнение ее положений с положениями Салической правды показывает, что процесс судопроизводства в своих ключевых аспектах осуществлялся в одной и той же форме на всей территории расселения франков. Суд был прерогативой общины, а не короля, и осуществлялся рахинбургами, которые несли ответственность за несправедливые решения. Предварительное расследование не подразумевалось, стороны предъявляли доказательства, среди которых особое место занимали свидетельские показания и ордалий.

С другой стороны, в Рипуарском законе закреплены отклонения от принятой салическими франками практики судопроизводства, отражающие как этнические особенности Рипуарии, так и более поздние добавления, свойственные процессу развития франкского права. Так, Рипуарская правда закрепила принцип экстерриториальности, не свойственный Салическому закону и, очевидно, подчеркивающий большее этническое разнообразие Рипуарии. Некоторые имплементированные рипуарами процедуры, связанные с судопроизводством, были упрощены и формализованы, например, порядок назначения наказания несправедливому судье, последствия неявки ответчика в суд и др. Среди доказательств Рипуарская правда больше места отводит соприсяжничеству – привлечению к доказыванию родичей лица, которые подтверждали, что его доводам можно доверять. Такое внимание к соприсяжникам, вероят-

но, можно объяснить более крепкими общинными традициями рипуаров. Отдельно упомянут судебный поединок, который не встречается в Салическом законе, – он сохранял свое ритуальное значение как борьба правого с неправым, но проводился под контролем короля, символизируя переход от самосуда к легальному насилию. Одновременно Рипуарская правда закрепляет значимость королевских грамот (хартий) как доказательств: будучи более поздним источником, чем Салическая правда, Рипуарский закон отражал повышение статуса королевской власти и рост значения письменности. Данные факторы позволяют рассматривать Рипуарскую правду как полноценный исторический источник, дополняющий, а не повторяющий сложившиеся на основе Салического закона представления о судопроизводстве франков, объективное изучение суда и процесса франков требует равного внимания к обоим этим источникам.

Список литературы

1. **Золотарев А. Ю.** Судебная система у салических франков в VI–VII вв. // Новик: Сборник научных работ аспирантов и студентов исторического факультета Воронежского государственного университета. Воронеж: ВГУ, 2000. Вып. 3. С. 35–47.
2. **Назаров И. Д.** Два «лица» средневекового правосудия: этико-правовой анализ // Интеллигенция и мир. 2017. № 2. С. 125–132.
3. **Peyré J. F. A.** Lois des Francs. Contenant la loi salique et la loi ripuaire. Paris, 1828, p. 230–391.
4. Салическая правда / Пер. Н. П. Грацианского и А. Г. Муравьева. Казань, 1913. 56 с.
5. **Eckhardt K. A.** Die Gesetze des Karolingerreiches 714-911. Salische und ribuarische Franken, Weimar, 1934, s. 138–202.
6. **Wessels J. W.** History of the Roman-Dutch Law. Clark, 2005, 791 p.
7. **Дряхлов В. Н.** «Верная улика» в восприятии «Салической Правды» // Вестник ВолГУ. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2018. № 6. С. 116–123.
8. **Sohm R.** Der Prozess der Lex Salica. Weimar, Böhlau, 1867, 238 s.
9. **Черниловский З. М.** Всеобщая история государства и права. М.: Юрист, 1995. 576 с.
10. **Wood I. N.** Franks and Alamanni in the Merovingian Period: An Ethnographic Perspective Center for Interdisciplinary Research on Social Stress, Woodbridge, 1998, 481 p.
11. **Чельцов-Бебутов М. А.** Курс уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. СПб.: Альфа: Равена, 1995. 846 с.
12. **Шумягина О. С.** Сущность судебных ритуалов в лангобардском законодательстве // Вестник КемГУ. 2018. № 1 (73). С. 79–84.
13. **Drew K. F.** The Laws of the Salian Franks. Philadelphia, University of Pennsylvania press, 1991, 272 p.
14. **Beyerle F., Buchner R.** Lex Ribvaria // *MGH LL nat.* Germ. III 2., Hannover, 1954, s. 3–217.

References

1. **Zolotarev A. Y.** The judicial system of the Salic Franks in the VI–VII centuries. *Novik: Collection of scientific works of postgraduates and students of the Historical Faculty of the Voronezh State University*, Voronezh: VSU, 2000, iss. 3, p. 35–47. (in Russ.)
2. **Nazarov I. D.** Two “faces” of medieval justice: ethical and legal analysis. *Intelligentsia and the world*, 2017, no. 2, p. 125–132. (in Russ.)
3. **Peyré J. F. A.** Lois des Francs. Contenant la loi salique et la loi ripuaire. Paris, 1828, p. 230–391.
4. Salic Law. Trans. N. P. Grazianskiy and A. G. Muravyev. Kazan, 1913, 56 p. (in Russ.)
5. **Eckhardt K. A.** Die Gesetze des Karolingerreiches 714-911. Salische und ribuarische Franken. Weimar, 1934, s. 138–202.

6. **Wessels J. W.** History of the Roman-Dutch Law. Clark, 2005, 791 p.
7. **Dryakhlov V. N.** “True evidence” in the perception of “Salic Law”. *Veatnik VolSU, Series 4, History. Regional studies. International relations*, 2018, no. 6, p. 116–123. (in Russ.)
8. **Sohm R.** Der Prozess der Lex Salica. Weimar: Belau, 1867, 238 p.
9. **Chernilovsky Z. M.** Universal history of the state and law. Moscow: Yurist, 1995, 576 p. (in Russ.)
10. **Wood I. N.** Franks and the Alamanni in the Merovingian period: An ethnographic perspective Center for Interdisciplinary Studies of Social Stress. Woodbridge, 1998, 481 p.
11. **Cheltsov-Bebutov M. A.** Course of criminal procedure law. Essays on the history of the court and criminal procedure in slave-owning, feudal and bourgeois states. St. Petersburg: Alfa: Ravena, 1995, 846 p. (in Russ.)
12. **Shumyagina O. S.** The essence of judicial rituals in the Lombard legislation. *Vestnik KemGU*, 2018, no. 1 (73), p. 79–84. (in Russ.)
13. **Drew K. F.** The laws of the Salian Franks. Philadelphia: University of Pennsylvania press, 1991, 272 p.
14. **Beyerle F., Buchner R.** Lex Ribvaria // MGH LL nat. The embryo. III 2. Hanover, 1954, s. 3–217.

Материал поступил в редколлегию

*Received
18.03.2021*

Сведения об авторе / Information about the Author

Макутчев Александр Валерьевич, кандидат исторических наук, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого (Тула, Россия)

Alexander V. Makutcheve, PhD in History, Lev Tolstoy Tula State Pedagogical University (Tula, Russian Federation)

mackutcheve@mail.ru

ORCID 0000-0003-4434-9143

SPIN 3402-2652